

Утесов Леонид

21.03.2000

Если бы я был чуть-чуть моложе, я бы стал вашим зятем....

Вер. Москва - 2000 -
21 марта - с. 5.

21 марта исполняется 105 лет со дня рождения Л. О. Утесова

В гороскопе сказано: человек, рожденный в марте, обладает невероятной интуицией, огромной фантазией, особой чувствительностью благодаря своей загадочной связи с космическим пространством. Именно поэтому из этих людей чаще всего получаются великие художники, артисты, музыканты...

Алла АЗАРИНА,
заслуженная артистка России

Леонид Осипович Утесов родился в марте и умер в марте, в возрасте 87 лет. Судьбе было угодно подарить мне целый год не только профессионального, но и человеческого общения с ним. Он согласился стать режиссером моего нового тогда моноспектакля «Может быть, повезет мне в любви», по произведению Булата Окуджавы, где впервые кроме песен и стихов я решила сыграть на сцене только что вышедший в свет роман «Путешествие дилетантов».

А познакомил меня с Л. О. папа на каком-то вечере в Доме актера. Л. О. — в фойе, окруженный толпой народа. Стоит хохот, он что-то рассказывает. Папа подводит к нему. Волнуюсь, не знаю, что сказать, протягиваю руку:

— Алла.
Л. О. (крепкое рукопожатие):
— Лёдя.

И его улыбка, и мой смех, и сразу стало легко и просто, как будто знали друг друга сто лет. Помню, в том же Доме актера играла спектакль «По ком звонит колокол». В зале — Л. О. В этом спектакле я впервые запела. Все шло хорошо, но я вдруг вспоминаю, что во втором ряду — Он! Пою и думаю: «Боже, только бы не соврать!» Нас очень хорошо принимали, но когда на сцену поднялся Л. О. с красными гвоздиками, тут такое началось, такой вал рукоплесканий! Потом все устроилось в ресторан. Я оказываюсь рядом с Л. О. От полного зажима брякаю: «Леонид Осипович, я петь не могла. В зале, думаю, Утесов сидит, а я пою... Ужас

какой-то!» Улыбается широко, как только Он умеет: «Нет, нет все хорошо!» Пауза. «В одном месте чуть-чуть взяла выше...» И он тут же напевает эту мелодию, которую услышал в первый раз.

Начались наши репетиции. Читаю окончательный вариант из «Путешествия дилетантов». Роман огромный, почти 600 страниц, а мне надо было сделать фрагмент на 45 минут. Переделывала шесть раз. Очень помог Окуджава. И вот первый раз по тетрадке читаю Л. О.

Он сидит в кресле, очень рассержен (опоздал пианист), говорит резко. Обстановка не для вдохновения. Еще меня мучает, что Л. О. романа не читал — не знаю, будет ли все понятно, интересно, все-таки 87 лет, а тут такая запутанная история! Но зритель Л. О. потрясающий!

Вижу по реакции, что ему интересно, нравится, потом вдруг прикладывает руку к уху: «Зритель должно быть все слышно, что не спрашивали друг у друга: что, что она сказала? А... ну ясно...» И при этом он сразу показывает эту сцену, да так, что просто покаты-ваешься со смеху.

Вообще переход от разговора к игре был всегда удивительно естественный, легкий. Вот только что смеялся, а вот глаза полны трагизма. С такой глубиной он играет монолог Годунова «Достиг я высшей власти». Это качество — внутренняя готовность, сохранявшаяся и в 87, — конечно, меня поража-ло!

Итак, я читаю, а Он так слушает и реагирует на каждый нюанс. Его биотоки обволакивают меня, и мы оба увлеклись этой историей;

Л. Утесов. 20-е годы

она захватывает, меня начинают душить слезы. Смотрю, Он тоже вот-вот заплачет. А в самом конце я уже не могу сдержаться и... плачу, хотя мне неловко за это.

Л. О.: «Вы знаете, Аллочка, меня всегда обвиняли в излишней сентиментальности, но когда я произношу эти строки — «уж не жду от жизни ничего я»... И Он читает эти стихи, прекрасно. И плачет. И вдруг широкая улыбка: «Когда я был совсем маленький мальчик, лет 6, я пел в детском хоре. И была песенка про соловья, и как

только доходили до места, где бедного соловья посадили в клетку, слезы лились у меня градом и я ничего не мог поделать. Обо мне пошел слух, что в хоре поет плачущий соловей, и люди приходили посмотреть, действительно ли я плачу настоящими слезами? Так что если вас захватило — плачьте! И еще хочу вам сказать: одно из основных качеств Окуджавы — трогательность, и это есть в вашем исполнении. Значит, вы чувствуете этого поэта. Из романа получилась совершенно отдель-

ная новелла. Ясная и цельная и очень трогательная. Булату должно понравиться. Если он такой же тонкий человек, как писатель, это не может не тронуть его. А какой язык, какая литература! Теперь Булат для меня!»... И Он воздевает руки к небу...

Я: «Давайте ему позвоним?»
Л. О. согласно кивает, обрадовался. Я роюсь в своей сумочке и не могу найти телефонную книжку. Так и не состоялся разговор двух выдающихся художников, с которыми столкнула меня Судьба.

Во время репетиций Утесов всегда рассказывал какие-нибудь истории. (Ах, почему я так мало его расспрашивала?) Как-то разговор зашел о Светлове. Л. О. рассказывает: «Приходит ко мне Светлов. Все тогда зачитывались новым романом Олеши «Зависть». Особенно всех поражала первая фраза — «Он поет по утрам в клозете». Светлов говорит: «Знаешь, Лёдя, я придумал такую первую фразу для романа, что даже если написать 10 томов, читатель все равно дочитает до самого конца. Этой фразе может позавидовать даже сам Олеша». И торжественно произносит: «Хайм нуждался в половой жизни!» А однажды мы с Мишей гуляли по переделкинскому лесу. Идем, кругом красота, тишина, вокруг одни березки. Вдруг вопрос: «Как думаешь, Лёдя, можно здесь дать дуба?»

Я знала, что Л. О. дружил с Бабелем. Он мало о нем рассказывал, сокрушенно вздыхал: «У меня было 40 писем Бабеля. Потрясающие письма!!! Я все сжег, когда его арестовали, и каждый день я ждал, что за мной придут. Елена Осиповна мне уже на дороге все приготовила. Сверток лежал и ждал своего часа. До сих пор не понимаю, что меня спасло». В кабинете висели две фотографии Зощенко.

Л. О.: «Я был первым исполнителем его рассказов. Это было в Одессе. Мы сидели в гостях у одного человека. Все съели, все выпили, было скучно, говорить было совершенно не о чем, я вышел в

другую комнату и на столе вижу маленькую книжечку. Рассказы Михаила Зощенко. Совершенно неизвестный для меня автор. От нечего делать открыл и через несколько минут я уже корчился от хохота. Вбежал в гостиную и стал читать всем («Аристократка»). Все попадали со своих стульев от смеха. С тех пор я заболел Зощенко. А познакомились мы позже, в Одессе. Я узнал, что он в городе, и написал ему восторженное письмо. Мы договорились о встрече.

Когда шла травля Зощенко, я приехал в Ленинград, позвонил ему: «Миша, хочу тебя видеть». Он был поражен: «Лёдя, а ты не боишься мне звонить? Ведь сейчас все боятся. Встречают на улице и отворачивают глаза, как будто не знакомы». Мы встретились на Невском в кафе «Норд». Он боялся, что его будут узнавать, задавать вопросы, но этого не произошло, никто не обращал на нас никакого внимания.

Но когда мы вышли на улицу, его «кадилак» был окружен народом. Миша помрачнел: «Видишь, ну сейчас начнется...» Мы кое-как забрались в автомобиль. Толпа молча смотрела на нас. Вдруг один голос: «Скажите, какой марки эта машина?» Мы оба прыснули от смеха.

Хотя Л. О. очень любил рассказывать, Он не хотел показаться навязчивым. Не было случая, чтобы Л. О. не поинтересовался моими гастролями, концертами, ощущениями. Слушал предельно внимательно, заинтересованно и всегда говорил: «Я очень рад за вас».

Я была так вдохновлена этими встречами, репетициями, так переполнена нежностью и любовью к Л. О. (а сказать ему об этом стеснялась!) И перед отъездом на гастроли в Киев решила написать ему «высокопарное» письмо, но... подумала, и мне показалось, что будет тактичнее и удобнее, если Ему позвонит папа и выскажет всю мою любовь и признательность.

А. Азарина

Л. О. говорить папе почти не дал, а сразу сказал: «Я очень доволен Аллой. Мне нравится ее свободная манера пения, где она спокойно переходит на речитатив, потом опять на пение, на разговор... Этому научить нельзя, это от Бога!» И тут же пошутил: «Александр Ефимович, если бы я был чуть-чуть моложе, я бы стал вашим зятем!»

Когда я вернулась в Москву, Он был в больнице, а через 10 дней его не стало.

Л. О. очень хотел выпустить этот спектакль по Окуджаве. Как-то после одной особенно удачной репетиции Он сказал: «Это не просто роман, это — контрреволюция!»

Потому что уводит в совершенно иной мир, в котором люди отдавали Жизнь за Любовь! У меня была история, похожая на историю героев романа — Лавинию и Мятлева... только вот не смог я убеждать от всех с ней — также, как они...

И Л. О. дрожащими руками открывает старинный секретер и достает конверт. В конверте две фотографии молодой, красивой женщины и пожелтевшая газетная вырезка...

Л. О.: «Я ее очень любил! Это был прекрасный роман! Она была известная опереточная актриса, полька по происхождению, госпожа Немировская. А какая она была Актриса!»

Он поднимает глаза к небу: «Ой, какая Актриса!.. Я играл с нею в «Сильве»...

Затаив дыхание, я слушаю, а Он говорит, говорит... может быть, впервые за многие годы вслух и так откровенно, и так безнадежно... Больше 50 лет пролежала эта фотография — и вот час настал...

Л. О.: «Когда мы познакомились, я был женат и Дите было 6

лет. Да, это была трагическая любовь, и, конечно, вся моя жизнь сложилась бы по-другому. Две женщины ждали, как я поступлю. Они перекидывали меня друг другу, как мячик. Жена выясняла с ней отношения, звонила и говорила: «Да заберите вы его к себе. Я от него отказываюсь!» Я уходил к ней, а через несколько дней она звонила жене и говорила то же самое. Я очень любил эту женщину, но никак не мог ни на что решиться. Почему? На той улице в Одессе, где я рос, все хорошо знали друг друга, и развод какой-то семьи был равен взрыву бомбы! Это было невероятно, невозможно, чтобы мужчина оставил семью. Это обостренное чувство долга сидело во мне с детства.

Когда мы играли последний спектакль, вдруг, смотрю, Елена Осиповна идет в театр, и я, как ворюшка, струсил, сбежал из театра, сел в поезд и уехал в Ленинград. Там жил один, почти месяц, а потом подал телеграмму жене, и она вместе с Дитой приехала. А моя любовь, как только узнала, что я вызвал семью, уехала в Польшу. Я пожертвовал своей любовью.

Замуж она так и не вышла. А через несколько лет я прочел в газете подробности ее гибели. Она ехала в вагоне со своей камеристкой. Та стала разжигать керосинку, пролила керосин, вспыхнул огонь... Они сгорели там обе.

У меня не было от нее писем. Это была очень гордая женщина, но эти 2 фото и вырезку о ее гибели я держал в своем секретере всю жизнь. И моя жена знала об этом, но никогда не проронила ни звука по этому поводу. Да, Елена Осиповна была очень умная! И вот, Аллочка, когда вы играете Окуджаву, я все время вспоминаю эту историю...

Л. О. много рассказывал и о своей жене, Елене Осиповне, восхищаясь ее остроумием, женской тактичностью, умом, но никогда за все время наших встреч не говорил о ней с такой нежностью, с такой безысходной грустью, никогда не говорил этих «банальных» по своей ясности слов: «Я ее очень любил!»

И все это за две недели до смерти, после гибели Диты, Он рассказывал мне, человеку, в общем-то, случайному, и вся история жизни великого артиста повернулась иным трагическим ракурсом, а смерть в каком-то смысле — избавлением от душевных мук.

Недаром меня поразило лицо покойного — умиротворенное, чуть улыбающееся, как будто долгожданная встреча со своей любовью наконец-то состоялась.